

Matyušová, Zdeňka

Дыхание родной земли : (к 100-летию со дня рождения Виктора Астафьева)

Новая русистика. 2024, vol. 17, iss. 2, pp. 37-48

ISSN 1803-4950 (print); ISSN 2336-4564 (online)

Stable URL (DOI): <https://doi.org/10.5817/NR2024-2-4>

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/digilib.81476>

Access Date: 20. 02. 2025

Version: 20250220

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Дыхание родной земли

(К 100-летию со дня рождения Виктора Астафьева)

Зденька Матыушова

(Ческе-Будеёвице, Чешская Республика)

В том году исполнилось 100 лет со дня рождения русского прозаика Виктора Астафьева. Его писательская деятельность была и остается замечательным явлением, прежде всего, в литературном процессе 60–90-ых гг. XX века. Книги Виктора Астафьева переведены на тридцать четыре языка. Он был автором, творчество которого ненарочито представлено в общем развитии русской литературы, но играло и играет до сих пор в определенном смысле активную роль в комплексном развитии общества.

Наряду с основными произведениями, какими в особенности являются «*Последний поклон*» (1957–1978), «*Пастух и пастушка. Современная пастораль*» (1967–1971) и «*Царь-рыба*»¹ (1972–1975), Виктор Астафьев издает на протяжении 1961–1987 годов около четырёх десятков небольших работ, которые позднее выходят под названием «*Затеси*» (1988, не переведены). Эту книгу он писал всю свою жизнь и ее можно рассматривать как фрагменты «дневников» Виктора Астафьева. Она составлена из лирических миниатюр, которые сам писатель называл «затесями». Первоначальное название цикла лирических зарисовок — «*Дыхание родной земли*». Название «*Затеси*» впервые появляется в 1965 году и их первое отдельное издание вышло в 1972 году. Автор постоянно возвращался к циклу в течение всей жизни, включал и исключал различные рассказы.

В них отражается склонность Астафьева к публицистике и с точки зрения жанра их можно отнести к поэтическим миниатюрам-воспоминаниям, кратким рассказам, рефлексиям, деревенским и этнографическим очеркам, лирико-философским размышлениям о человеке («*Ягодка*», «*Вздых*», «*Паруня*», «*Падение листа*», «*Одна минута*», «*Счастье*», «*Зеленые звезды*», «*Синий свет*»), природе

1 Подробнее [MATYUŠOVÁ 2003].

(«Хлебозары», «Родные березы», «На дне реки», «Паутина», «Летняя гроза», «Лунный блик», «Дождик», «Земля просыпается»), любви, поэзии, человеческой мудрости и о смысле человеческой жизни («Травинка», «Мелодия», «Звезды и елочки», «Тропа», «Кладбище», «Печаль веков», «Гимн жизни», «Страх», «Тоска», «Кладбище», «Все о тебе», «Горсть спелых вишен», «Рукою согретый хлеб», «Приветное слово», «Гимн жизни»).

В предисловии к своей книге автор пишет: «“Затеси“ писались всю жизнь, печатались в разных изданиях... [...] первому изданию „Затесей“ я дал подзаголовок „Короткие рассказы“. Но это неточно. Рассказов как таковых в этой книге было мало, остальные — миниатюры — не „тянули“ на рассказ, они были бы **вне жанра** (подч. З. М.), не скованные устоявшимися формами литературы. А затесь — сама по себе вещь древняя и всем ведомая — это стёс, сделанный на дереве топором или другим острым предметом... В разных концах России название мет варьируется: „зарубы“, „затёсины“, „затёски“, „затёси“, по-сибирски — „затеси“. [ASTAF’JEV 1988, 273–274]

Эти небольшие прозаические произведения постигают весь размах астафьевского личного восприятия мира в захватывающем напряжении, а также в проникновенной гармонии духа и органов чувств, разума и эмоций. В глубинах души автора как будто осталось что-то недосказанное, невысказанное. Астафьев рассказывает об окружающем пейзаже, природе, людях, вещах, деревьях и цветах — это его мир, который он очерчивает своими словами и предложениями — длинными или короткими, точными или лишь намекающими, которые как будто растворяются и теряются, чтобы снова проявиться, буквально расцвести и создать представление зачастую воздушной прозрачности.

Творец развивает шкалу сенсуальных переживаний, восприятий и впечатлений: от нежности и хрупкости с переходом в нарушенность и раздробленность вплоть до целостности и прочности. Это своеобразные магические остановки во времени и молчаливые разговоры на расстоянии, когда зрение души и внутреннее видение, посредником которому является художественное слово, обладают особой функцией, являются инструментом лиризации объективной действительности, прямым индуктором эмоций. Поэтому целый ряд его малых прозаических произведений мы воспринимаем не столько как сообщение о реальности, а как стихотворение в прозе, приглашение помечтать о возможных формах этой реальности.

Внешняя действительность перемежается с душой, которая находит в живой природе наиболее свойственный самой себе символ. Созвучный аккорд души и мира насыщен и гармонично полон и таким образом прозаик достигает действительно лиричной реальности.

При этом он непосредственно касается человека, который постоянно присутствует в каждом действии, жесте и взгляде. Это является убедительным доказательством того, что и здесь Астафьев остается верным своему «творческому кредо», которое мы сами воссоздали при анализе его прозаических произведений — мир имеет смысл только с человеком, через человека и для человека.

Эта общечеловеческая проблематика переходит в некую духовную «медитацию», в размышления об основных вопросах бытия, времени, взаимосвязи между человеком, природой и космосом — зачем, откуда и куда человек идет. «И не оттого ли в летние ночи [...] свято притихшая земля лежит в ярком осиянии, в сердце нашем пробуждается тоска о еще неведомом? [...] И небо в эти минуты словно бы становится вестником нашего перворождения, доносит отголоски тех бурь, из которых возникли мы». [ASTAF'JEV 1981, 425]

Пейзаж здесь является, с одной стороны, синтезом сведений, собранных во время странствий по свету, с другой стороны, это поэтизированный реальный мотив, в котором лирическое настроение и переживания перерастают в поэтическую притчу. Возникает впечатление, что Астафьев здесь в полной мере дает волю музыкально окрашенному воображению и самобытному лиризму. Лирика «Затесей» аналитична и сензитивна, заложена на чувстве, впечатлении и настроении. Здесь говорит сердце автора, он часто с меланхолией к нему прислушивается и задумчиво спрашивает о его тайне. Хрупкая лиричная красота тематических мыслей оживает здесь как медитативное эхо недавнего прошлого и настоящего. «Когда мне становится невыносимо больно от воспоминаний, а они не покидают, да и никогда, наверное, не покинут тех, кто прошел войну, когда снова и снова передо мной встают те, кто пал на поле боя, а ведь были среди них ребята, которые не успели еще и жизни-то как следует увидеть, ни полюбить, ни насладиться радостями мирскими и даже досыта поесть, — я думаю о елочке, которая растет в лесу на пне». («И прахом своим» [ASTAF'JEV 1980, 429])

В сенсуальной лирике Астафьева схвачено и поэтически передается настоящее. Это настоящее особым способом приостановлено и задержано в своем ходе и беге, узнаваемо и наблюдаемо глазами и сердцем и переводимо во взаимодействие природных стихий и человека.

При этом нам невольно вспомнятся небольшие рассказы Пришвина, «стихотворения в прозе» Тургенева, «мимолетные размышления» Солоухина [SOLOUCHIN 1977], «очерки-рассуждения» Белова [BELOV 1979–1981] или «этюды» Солженицына [SOLŽENICYN 1966]. Подобным образом и краткие прозаические произведения Астафьева создают атмосферу искренней исповеди автора, в которой все исходит из воспоминаний и ассоциаций.

Александр Солженицын в «этюде» под названием «Дыхание» приводит: «Я стою под яблоней, отцветающей — и дышу. Не одна яблоня, но и травы вокруг сочают после дождя — и нет названия тому сладкому духу, который напаивает воздух [...]». [SOLŽENICYN 1966, 291]

Во второй части своей книги «Лесная капель» в очерке «Солнце в лесу» Михаил Пришвин говорит: «Солнце [...] спряталось за большим деревом и бросает оттуда в темный лес свои ранние утренние косые лучи [...] С поляны сияющей входишь в темный лес [...] Невозможно сказать, до чего прекрасно бывает в темном лесу в яркий солнечный день [...]». [PRIŠVIN 1951, 386]

И Виктор Астафьев в рассказе «Тропа» пишет: «Русский лес — земная красота, есть ли такие слова, которыми можно было бы воспеть тебя! [...] Я счастлив и оттого молчу. Я просто иду, я просто дышу, я просто смотрю, я просто слушаю, как чисто и звонко заливается зорька [...]». [ASTAF'JEV 1965, 172–173]

Сравнение самобытных и самостоятельных художников слова не всегда бывает точным и даже не всегда уместным, потому что каждый из них использует для выражения своих мыслей и чувств свой собственный язык, интонацию и другие выразительные средства. Выше приведенные отрывки (можно было бы привести и другие) уже с первого взгляда связывает сходный элемент — по объёму это небольшие прозаические произведения, но они недостижимы по глубине философского восприятия природы, красоты родного края и красоты жизни в целом.

У Виктора Астафьева они, кроме прочего, являются определёнными соединительными звеньями в процессе созревания и формирования его эпического сознания, освоения техники рассказчика, углубления своеобразного взгляда на мир и совершенствования оригинального стиля.

«Впереди [...] стояла черно-пегая береза, вся прошитая солнцем... Падает лист [...] березовый лист. Притихла земля [...] воссияло всей глубиной небо, чтоб отражение листа в нем было нескончаемо, чтоб сама Земля, приняв форму листа... летела среди звезд, планет и там, в неизведанных еще далях, продолжилась в стремительном движении неведомых нам миров». («Падение листа» [ASTAF'JEV 1980, 477])

Отправной точкой этой прозы Астафьева являются не действие, сюжет, эпическая интрига и ее развитие, а интенсивность момента, очарование от силы чувственных, эмоциональных или воображаемых впечатлений от конкретной ситуации.

С первых же слов Астафьев вступает in medias res — перед взглядами открывается панорама пейзажа. Это величавое начало, когда неожиданно появляется урожайный край, залитый солнцем, туманом или дождевой влагой. Природа и край расцветают в летнем зное как особые существа, полные сил

и гармонии, или же отдыхают в ночной прохладе осеннего умиротворения. Именно такие образы одновременно символизируют и несомненное единство земли с космосом.

«Поля и села... Облачное небо над ними, леса и перелески тронуты первыми холодами, листья багряные, что звезды на углах черных изб... елочки, выскокившие на обочину опушки, будто поджидают, когда их нарядят лентами... И снова тихая умиротворенность кормящей матери-земли, привычно, в труде, прожитый день, привычные сумерки, наползающие из-за холмов, привычные дали, объятые покоем». (*«Звезды и елочки»* [ASTAF'JEV 1980, 415])

Ясно видно, что реальность Астафьева не ограничивает, а наоборот стимулирует его творческие способности, поэтому реальный мир в его творчестве является миром личной человеческой правды, создающей его внутреннюю судьбу. Его всегда волновал вопрос, как показать действительность, о которой известно, что она безвозвратно исчезает, хотя и может казаться, что каждый момент, который именно сейчас существует и продолжается, вечен и незабываем.

Сила произведений Виктора Астафьева — в огромной художественной выразительности, в необыкновенно высоком нравственном потенциале и в замечательно эмоциональной насыщенности. О чем бы он ни писал, он всегда подчеркивал и выражал свою веру в человека, стремясь разбудить в нем все лучшее, заставить мыслить его глубоко и самостоятельно. Уже в ранних произведениях определилась его типичная художественная манера — акварельность изображений, внимание к мелким деталям, чуткий набор тонких оттенков красок, которые хорошо гармонируют и ласкают душу.

Лиризация становится соединительным звеном цепочки всего эстетического организма, перерастает от детали к попытке раскрыть и объять смысл действительности и человека в ней, и тем самым к определенному единому гуманистическому послонству, сознательно направленному к утраченному раскрытию всего самого человеческого в человеке.

Образотворность Астафьева, творческая изобретательность, неясные очертания, лаконичность и поэтический восторг по отношению к природе и вещам позволяют ему создавать все время новые образы, которые крепко укоренились в материальной действительности и которые одновременно стимулируют лирически-восторженное познание и восприятие мира.

Основой видения реальности по Астафьеву является единство лирического восторга и упоения от чуда человеческого существования с ритмичным построением речевых выражений повествователя. Авторское «повествующее я» подчеркивает и поддерживает важность мыслей, подчеркивает аутентичность наблюдений за повседневными вещами и как будто несущественных ситуаций. Как мастер слова и subtilных нюансов Астафьев называет свои воспоминания

и впечатления ненарочито, с поэтической изобретательностью, несентиментально, но, тем не менее трогательно. «Затеси» открывают пространство для внутреннего видения тайны, имажинативности и страстной эмоциональности.

Форма краткого рассказа, размышления с лёгкой дидактической окраской, фельетона и лирических очерков о природе точно соответствует подобному устремлению. Небольшие прозаические произведения Астафьева, образно говоря, являются скромными микрокосмами, в которых мы восхищаемся как совершенным выражением, так и глубиной мысли и выражением философской позиции автора к вещам будничным и каждодневным.

Миниатюрные прозаические произведения, которые являются торжеством простой красоты жизни и природы и размышлением над смыслом, потребностями и очарованием обычных вещей, обладают типичным астафьевским гуманистическим подтекстом, который выражен в самом творческом усилии писателя, в поиске новых способов самовыражения, в посольстве человека к человеку.

Характерными чертами упоминаемых рассказов являются:

- совершенная композиция с рядом мастерски развитых вибраций и очерченных меняющихся настроений,
- сильное увлечение деталями,
- увлекающий жар переживаний,
- захватывающая игра цветов,
- отблеск звуков и их богатое ритмическое волнение,
- глубоко затрагивающая лиричность,
- часто незаурядная подверженность настроениям,
- тесное сочетание с народной словесностью и её мыслительным богатством, которое для Астафьева под покровом кажущейся обыденности означало источник невиданной силы.

«Можно смотреть, смотреть и каждую минуту замечать вокруг в природе перемены и ощущать вместе с нею чуткое, в ночь переходящее за вечерье. Все еще видно внизу остывающую реку, за нею зароды сена сделались отчетливей на осветившихся лугах, перелески по-за лугами, означившиеся на последнем небесном свете, совсем отемнели, сцепившись в тихом испуге стволами и листвой». («Гемофилия» [ASTAF'JEV 1980, 466])

«Белые стволы берез пестрели, как веселые сороки, а на нежной зелени зазубренных листьев было так хорошо, покойно взгляду после ошеломляющего блеска чужеземной, бьющей в глаза растительности. Ах, как сладко пахнет береза». («Родные березы» [ASTAF'JEV 1980, 419–420])

Природные кулисы для Астафьева — это не только возможность описания их событийной привлекательности, но они часто являются тоже символом

и особой приметой жизни. Автор проецирует в них своё человеческое познание, свою философски окрашенную медитацию о мире — спокойном и чарующем, но в то же время охваченном самыми разнообразными катастрофами.

Исходя из того, что мы привели выше, большинство астафьевских сюжетов отличается определённой обыкновенностью взгляда, искренность и интенсивность которого состоит в том, что он находит ценность и значение вещей, которые многие другие иногда — хотя и спонтанно и неосознанно — не замечают.

«Затеси» — это прозы, которые постигают всю широкую шкалу астафьевского личного восприятия мира в увлекательном напряжении контраста разума и чувства, души и зрения, духа и физических чувств. Прозаик чувствовал, что только то, что человек прожил, его формирует. Поэтому жизнь для него является беспрестанным созерцанием, исследованием, наблюдением и самовыражением посредством своего творчества.

Эти миниатюры в прозе таким образом подтверждают инспиративную силу самой обыкновенной реальности, которая прошла через сито творческих переживаний, исходящих из глубин души автора. Обратим внимание, к примеру, на рассказы, описывающие весну с первых её дуновений в ещё голых деревьях, с первых теней на зеленеющих лугах, вплоть до цветения и насыщенную теплом ароматную прелесть весенних дней («Весенний остров», «Паруня» и др.). Автор в них как бы буквально сливается с землёй в великом внутреннем видении течения весны. Такие изображения носят черты увековечивающего и обобщающего преобразования мотива — казалось бы, незаметного как в своем существовании, так и по своей длительности, — в величину неизменную и в длительность бесконечную.

Возвращения к ранней весне в деревне всегда возбуждали мысль писателя, передавая ему неясный восторг и наполняя желанием уловить в рассказах нечто из того, что он каждый раз должен был покинуть и что снова и снова находил. Отсюда исходит характерная черта невременных, или же вневременных настроений в его кратких прозаических произведениях, с внутренним подтекстовым тоном усилия и желания выразит неизменную константу всех ранних вёсен и вёсен собственного детства и молодости. «Но на подоле острова живая лента зелени!... — Весна на острове! Весна!... Вспоминая о весеннем острове, я думаю и о нас, людях. Ведь к каждому человеку поздно или рано приходит своя весна. В каком облике, в каком цвете — неважно. Главное, что она приходит». («Весенний остров» [ASTAF'JEV 1980, 421–422])

«Затеси» — это типично астафьевская проза истинно кристаллической формы с заслуживающей внимания монолитностью и целостностью образов. Облака как будто бы отражаются в земле и пространстве, чёткие линии

дорог гармонируют с грунтом, который связан с корнями деревьев, движения облаков и синее небо гармонируют с золотым цветом созревающей пшеницы. Небо и земля, поле и пшеница, природа и человек — всё это создаёт удивительное чудесное единство сосуществования. Астафьев таким образом выразил проникающую через все животную природную силу. Мы чувствуем ее как в щелканьи созревающих зерновых, так и в дыхании согретой солнцем и раскаленной земли, а также в полете птиц, спугнутых в укрытии или же ритмичном регулярном движении косарей. «Я вернулся к речке, сел в коренья ольхи. Вороны долго каркали, летая вокруг, бранили меня, проклинали, и я им сказал: У вас своя ловля, у меня своя. Не мешайте! И они успокоились, расселись по кустам, повозились, замерли, кося на меня хитрыми и наглыми глазами». («Вороны-охотницы» [ASTAF'JEV 1980, 484])

«Он еще боялся (соловей — подч. З. М.) петь ночью, но днем, при солнце и людях пробовал свой голос. Соловей без песни не может жить... Я слушал этого соловья и сердце мое начинало биться ровней, и силы во мне прибавлялись, и я чувствовал, знал, что пересилю хворь и на этот раз, поднимусь и поживу еще». («Поросли окопы травой» [ASTAF'JEV 1980, 507])

В этой необычной целостности чувствуется связь материи и вещей со светом и духом природы так, как ее воспринимает и оценивает человек. И именно в этом выражена сила жизни. Астафьев намеренно помещает рядом друг с другом материальную среду и человеческую душу, дабы показать внутренние связи между ними.

«Над хлебами пылит. Пшеница [...] и рожь [...] дружно повернулись к замутневшим от угара ложкам, из которых все плыло и плыло тепло к колосьям, где жидкими еще каплями жило, набиралось силы и зрелости зерно. Зарницы тревожились в небе, зарницы играли на хлебах. В русских селах так и зовут их — хлебозары. Я склоняюсь к древнему полю, [...] я слышу, как шепчутся с землею колосья... Я даже слышу, как зреют они. А небо, тревожась и мучаясь, бредит миром и хлебом». («Хлебозары» [ASTAF'JEV 1980, 422–425])

За этими мотивами мы находим новое постижение, новые переживания и повторное признание автора в любви к природе и жизни. За каждым таким прикосновением скрывается и переоценка, а во внутреннем отражении трансформируемой действительности формируется и создается лирический подтон реальности, которая таким образом воздействует как одушевление себя самой в смысловых линиях прозаического произведения. Такая проза таким образом становится с художественной точки зрения сложным повествованием об актуальной общественной реальности, о ее воздействии на мышление и образ жизни человека, который ежедневно встречается с ней непосредственно лицом к лицу.

Это проза поэтичная и выразительно лиричная. Отдельные времена года, которые проецируются в ландшафте, определяют его характер и влияют на него, они являются прежде всего смысловой параллелью к четырём этапам человеческой жизни — детству, молодости, зрелости и старости. Иначе говоря, речь идет об изобретательно меняемом одном и том же типе космического ландшафта с разнородностью времён года и при этом одновременно изображающем извечную сущность жизни как таковой.

И в книге *«Затеси»* к Виктору Астафьеву беспрестанно возвращаются темы, мотивы и мысли из предыдущих более ранних произведений, которые как будто до сих пор остались не решенными полностью и о них ещё не было сказано все художественным словом. Они настоятельно возвращаются к автору, увеличивая выразительность и напряжение его творческой работы, к которой он подходил всем своим существом.

В *«Затесях»* выгранился, выкристаллизовался астафьевский ясный, тихий и емкий лиризм, который здесь окрашивается сильными медитативными и контемплативными настроениями.

«Реки рождаются в блаженной, вечной тишине. Рождение не терпит суеты, рождение любит покой... Реки что человеческие судьбы — у них много поворотов, но нет пути назад». (*«Марьины корни»* [ASTAF'JEV 1980, 526])

«Утро, солнечное, бодрящее, белое, звенело примороженным листом, словно били леса в колокола, пробуждая к жизни все сущее на земле». (*«Гемофилия»* [ASTAF'JEV 1980, 473])

Виктор Астафьев до последней минуты воспринимал мир не только во всей ширине его горизонта, но и в глубине, непредсказуемости, неожиданности и интенсивности его изменений.

Крохотные рассказы под названием *«Затеси»* становятся документом об определённом моменте, о конкретном времени. Их стиль и сюжет соответствуют состоянию внутреннего света писателя. Опасность, что заострение на небольшое действие или деталь уведет автора от связности текста, у Виктора Астафьева не угрожает. Ассоциативный метод, который он всё больше использует, выбор событий и вещей, о которых он пишет, не позволяют ему изолировать эти явления от остального действия.

Отдельные краткие рассказы побуждают к длительным размышлениям и к задержке мысли и чувства. Несмотря на то, что они являются частью одного целого, в своей неизбежной оригинальности они в большей степени являются сами собой, отделены один от другого.

Мы уже упомянули о том, что для писателя Виктора Астафьева свойственна склонность к простоте выражений и мыслей, простоте и внятности. Эта тенденция очевидно и закономерно проявляется и в так называемых «малых

формах», которые в его творчестве занимают выразительное место и которые изобилуют богатой лиричностью, свежестью, точностью выражения и ясным распределением мыслей.

Астафьевские «Затеси» — это неповторимый мир одной длинной жизни и всего, что в ней было познано, преодолено, выстрадано и пережито. «Затеси очень разные по своему содержанию и объему. Это и наблюдения за природой, и впечатления от путешествий, услышанный разговор внука с бабушкой, а порой — размышления о разгильдяйстве или же надругательстве над природой, к чему Астафьев никогда не мог относиться равнодушно». [BU-RENKO 2024]

Это полные смыслов авторские внутренние монологи, принимающие вид своеобразного компендиума жизненного опыта. Мозаика больших, меньших или совсем небольших смысловых эмоций соединена обобщающими образами, мыслями и линиями в цельную рациональную и логичную структуру.

Особо сосредоточенное внимание Виктор Астафьев обращал на общую композицию произведения. На основании нашего рассуждения можно заметить, что он при этом не создает нечто абстрактное, общее очертание, которые бы, так сказать, «подходили везде», у него это линия уместная, подходящая, такая, которая как будто сама исходит из выбранной темы и формируется конкретным образом мыслей. Можно предположить, что именно поэтому мы чувствуем, как композиционные контуры каждого отдельного рассказа обладают своим собственным пульсом, своей неизбитой и неповторимой хрупкостью и чувствительностью. Воспользовавшись своим ощущением культуры мышления и выражения, малейших психологических оттенков, градации напряжения, нюансов лиричности и мечтаний, автор достигает живости, свежести и непосредственного эффекта воздействия.

Возникает впечатление, что его небольшие композиции как будто изливаются из души Астафьева на основе глубочайших внутренних впечатлений. Их художественная ценность является проявлением чрезвычайной человеческой обогащенности, чувствительности и интеллигентности выразительной личности творца и его исключительного таланта выражать себя в новаторских по жанру прозаических формах и в по-человечески трогательных художественных образах, которые становятся самобытным проникновением в духовный мир писателя.

В «Затесях» Виктор Астафьев проявил не только художественное мастерство в наполненных мотивами миниатюрах жанровых сцен с богатым выразительным фондом и лирическим чувством, но и одновременно через все трудности и перипетии также оптимистичное отношение к природе и жизни как таковой.

В гэтых расказах — такжэ як і ў прозе, вышедшай да гэтаго — ў цэлым панятна адражаецца ўнутраная арыентацыя Астафьева ў адносінах да цёмных старонак чалавеческай асобы, да тайнаў ведаў і сэнсу чалавечэскага існавання і яго адносінаў да сілаў прыроды і космоса.

Гэта творэнне невыкнавеннай мастацкай кашчэнасці, фантазія якога і інтэнсіўнасць паведаватэльнай сілы невыкнавенны і, вераіаьна, паэаьому заслужываюць уважаньня.

Удзівітэльная жыцнеспасобнасьць прадзвэньняў Віктара Астафьева пастаянна вызывае ўсе новыя вэпрсы і стымулюе любопытства ўсех тэх, хто ішчэ істочкы, дасягаемасьць і сэнс мастацкага выражэньня, заканамернасьці развнцця, сьуць кашчэнасьцэў.

Бібліаграфія:

- ASTAF'JEV, V. P. (1997): *Sobranije sočinenij v 15-ch tomach. T. 7. Zatesi. Sem' tetradej.* Krasnojarsk.
- ASTAF'JEV, V. P. (1965): *Tropa.* In: *Porosli okopy travoj.* Moskva, s. 172–173.
- ASTAF'JEV, V. P. (1980): *Zatesi.* In: *Sobranije sočinenij v 4-ch t.* Moskva.
- BELAJA, G. A. (1987): *Pereput'je. Voprosy literatury,* 1987, 12. 75–103.
- BELIKOV, Ju. A. (2014): *Duël' dlinoju v žizn'. Literaturnaja gazeta,* 30 aprelja — 6 maja 2014, 17.
- BUCHANCOV, N. (1978): *Poryv k dobru. Literaturnaja Rossija,* 20 janvarja 1978 g., 3.
- BURENKO, S. (2024): «100 faktov ob Astaf'jeve»: *Zatesi — literaturnyj žanr, sozdannyj Astaf'jevym.* <https://gnkk.ru/articles/zatesi-literaturnyy-zhanr-sozdannyj/?ysclid>. [online]. [cit. 17.10.2024].
- ČŽÈN, Ja. (2014): *Svetjaščijesja zatesi. Literaturnaja gazeta,* 30 aprelja — 6 maja 2014 g., 17, s. 4.
- JANOVSKIJ, N. N. (1974): *Dejatel'noje dobro. Naš sovremennik,* 1974, 5. s. 165–181.
- JANOVSKIJ, N. N. (1982): *Viktor Astaf'jev. Očerki tvorčestva.* Moskva.
- JERŠOV, L. F. (1984): *Viktor Astaf'jev i liriko-filosofskaja proza. Russkaja literatura,* 1984, 1. s. 75–89.
- KRAMARSKA, D. (2015): *Russkaja derevenskaja proza vtoroj poloviny CHCH veka.* Siedlce.
- KURBATOV, V. (1980): *Kniga odnoj žizni.* In: ASTAF'JEV, V. P.: *Sobranije sočinenij v 4-ch t.* Moskva.
- LANŠČIKOV, A. P. (1975): *Viktor Astaf'jev.* Moskva.
- MAKAROV, A. N. (1973): *Vo glubine Rossii.* Moskva.

- MATYUŠOVA, Z. (2014): *Obraz člověka v belletristice Viktora Astaf'jeva*. Moskva.
- PARTHÉ, K. F. (1992): *Russian Village Prose. The Radiant Past*. Princeton, New York.
- POSPÍŠIL, I. (2016): Ruská sovětská vesnická próza: jeden úhel pohledu. *Novaja rusistika*, 2016, č. 1, s. 71–74.
- POSPÍŠIL, I. (2005): *Ruský román znovu navštívený. Historie, uzlové body vývoje, teorie a mezinárodní souvislosti: Od počátků k výhledu do současnosti*. Brno.
- RAZUVALOVA, A. I. (2015): *Pisatelé-«derevenščiki»: literatura i konservativnaja ideologija 1970-ch godov*. Moskva. <https://libking.ru/books/sci-/sci-linguistic/566933-51-anna-razuvalova-pisatelé-derevenshchiki-literatura-i-konservativnaya-ideologiya-1970-h-godov.html#book>. [online]. [cit. 08.07.2023].
- STARIKOVA, Je. V. (1979): Pamjat'. *Novyj mir*, 1979, 1. s. 257–271.

Summary

The Breath of the Native Land (on the 100th Anniversary of Victor Astafyev's Birth)

The study reflects on a contemporary Russian writer Victor Astafyev (1924–2001). Victor Astafyev's creative activity was and remains a remarkable phenomenon, especially in the literary process of the second half of the twentieth century. In the proximity of his crucial pieces of work, which are namely the following: *The last Tribute* (1957–1978), *Shepherd and Shepherdess. A Modern Pastoral* (1967–1971) and *Czar-Fish* (1972–1975), Viktor Astafjev published in the years 1961–1988 approximately thirty short stories, which were later on published in the book—*Notches* (1988). The study reflects on a contemporary Russian writer, Victor Astafyev, whose prose has not only been an important constituent part of Russian literature, but also has retained to this day its artistic power.

About the author

Zdeňka Matyušová, University of South Bohemia in České Budějovice, Faculty of Education, Department of Slavic Languages and Literatures, České Budějovice, Czechia, matyus@pf.jcu.cz